

Севастополь и Херсонес. Воспоминания о путешествии.* (Отрывки)

<...> Наш корабль приближается к Севастополю. При звуке этого великого имени вас охватывает особое волнение. Инкерман, Балаклава, Трактир, Зеленый холм, Малахов, — целый мир героических и тяжелых воспоминаний захватывает ваше воображение. Первое, что предстает перед нашим взором — это большая одинокая пирамида посреди песчаной равнины. Это кладбищенская церковь. Когда приближаешься к входу в бухту, перед тобой возникает расположенный амфитеатром город странной расцветки. Не видно ни крыш с яркой черепицей, ни золотых куполов. Все бесшумно и бесцветно. Еще не увидев город, ты чувствуешь ощущение чего-то погребального. Это ощущение усиливается по мере того, как перед нашим взором предстают длинные ряды разрушенных домов и памятников, обвалившиеся стены, окна без стекол. <...> Собравшиеся на палубе пассажиры созерцают эту грустную панораму. Местные жители и морские офицеры указывают иностранцам на строящуюся, всю в лесах, Херсонесскую церковь, на еще не завершенный новый севастопольский Собор, на памятник Лазареву, на знаменитый Малахов курган. Слева от нас расположены выстроенные из каменных блоков с тройным рядом батарей массивные укрепления Северной стороны: у входа на рейд — Константиновский форт, а чуть дальше Михайловский. У Константиновского форта сто десять бойниц, а у Михайловского — девяносто. Эти сооружения, кажется, не очень пострадали от осады: матросы рассказывают, что ядра отлетали от гранитных стен. На самом же деле они просто не были по-настоящему атакованы. Зато на Южной стороне, расположенные напротив Николаевский и Павловский рavelины были полностью разрушены. Сейчас от них остались только кучи камней.

Мы пересекли место, где от Николаевского форта до Константиновского рavelина была протянута железная цепь, затем проплыли участок, где были затоплены шесть русских кораблей, преградивших вход на рейд. Память о многих из них, таких как легендарный корабль «Двенадцать апостолов», до сих пор жива в народной памяти. Чуть далее отсюда в день эвакуации русских были затоплены последние корабли флота: «Владимир», «Херсонес», «Одесса». С тех пор постоянно предпринимаются попытки освободить порт от этих опасных останков. Сначала один американский промышленник, а затем совсем недавно русский негодник смогли убрать верхнюю часть и оснастку кораблей. На дне моря остались только трюм и киль. <...>

Перед нашим взором открывается вид на вспомогательные бухты Севастополя: Артиллерийскую и Корабельную. <...>

Альфред Рамбо (1842–1905)

Французский историк и государственный деятель. Член Академии моральных и политических наук (1897). Окончил Высшую нормальную школу (1864). С 1881 года профессор Сорбонны. В 1895–1903 сенатор, в 1896–98 министр народного просвещения. Несколько раз направлялся с дипломатической миссией в Россию.

Сторонник сближения Франции с Россией, Рамбо свои основные работы посвятил российской истории.

© Перевод Геннадия Беднарчика

Alfred Rambaud. «Sebastopol et la Chersonese. Souvenirs d'un voyage». Revue des deux mondes Tome VI. 1874

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006

<http://imwerden.de>

Наконец, мы подходим к пристани, расположенной в западной части Южной бухты, четко отделяющей сам город от Корабельной стороны. Ступив на землю, мы сразу же оказываемся на Екатериненской площади, носящей имя императрицы, присоединившей Крым к России. От этой площади берут начало две главные артерии города, которые, пройдя параллельно определенное расстояние, вновь соединяются на Театральной площади. Екатериненская улица идет вдоль бухты, а улица Морская удаляется от бухты и ведет вглубь города. Другие улицы нельзя и назвать улицами. Это кривые улочки, карабкающиеся вверх и спускающиеся вниз по склонам возвышенности, на которой расположен Севастополь. Ранее Екатериненская и Морская были синонимами богатства и архитектурного великолепия. Здесь стояли красивейшие дома, роскошные магазины, огромные здания. Когда жители города рассказывают вам об утраченной роскоши, кажется, что они немного преувеличивают. Воображение и воспоминания расцветивают и приукрашивают все, о чем они рассказывают. Указывая на Екатериненскую площадь, господин Кондараки говорит: «Здесь собирались сливки общества, здесь играли оркестры, на мраморных ступенях сидели очаровательные женщины, а рядом с ними красовались прекрасные статуи. Всю площадь заполняли экипажи, а внизу мраморной лестницы на волнах колыхались гондолы разнообразных форм. Неподалеку отсюда возвышалось знаменитое здание Дворянского собрания, которое по красоте могло соперничать с самыми известными европейскими домами. В те годы здесь резвились счастливые дети Таврической пальмиры. Дома из красивейшего блочного камня, добываемого в карьерах Инкермана, украшенные скульптурными фасадами, вне зависимости от их размеров соблазняли всех своей архитектурой, безупречной симметрией и мастерством постройки. Повсюду была тень от деревьев, сады, канавки с прохладной водой...»

<...> В основном, именно богатые кварталы пострадали больше всего. Кварталы же бедноты, район базара были меньше подвержены обстрелу и более защищены гористой местностью. Именно малозажиточные слои населения быстрее всего восстановили свои жилища. Дома богатых из-за отсутствия оных остаются в развалинах.

Я иду по знаменитой Екатериненской улице: справа и слева — разрушенные стены, кучи щебня, нагромождения старых балок. Двадцать лет минуло уже с момента Крымской экспедиции, а зрелище, которое предстает перед глазами, напоминает мне страсбургскую каменную слободу накануне капитуляции. Впрочем, Страсбург, Тионвиль, Лонгви, Сен-Клу — города, наиболее пострадавшие от прусской артиллерии, быстро оправались от разрушений. В Севастополе же тебе кажется, что только вчера здесь пролетел последний снаряд, потух последний пожар. Все те же ужасы войны спустя двадцать лет после ее окончания. У этих руин нет ничего, что хотя бы как-то скрашивало их наготу: ни травки, ни одного растения. Временами белая пыль новых построек смешивается с серой пылью развалин, и тогда в городе становится трудно дышать. Ты полностью погружаешься в эту пыль. Именно она придает как новым, так и разрушенным зданиям этот однообразный оттенок, этот меловой отлив, особенно характеризующий Севастополь. Без этой пыли купол новой церкви стал бы голубым, а купол старой вернул бы себе зеленый цвет; без этой пыли панораму города украсила бы киноварь нескольких крыш и зелень деревьев, контрастирующая с белизной инкерманского камня. К тому же желтоватый оттенок бастионов и окружающих высот хорошо гармонирует с бледными тонами города.

Это пейзаж в серых тонах. Тут не нужна палитра, достаточно одного карандаша. Даже фотография не передает того, что видит глаз. Эти рисунки довольно прозаичны. Однако, если вы встанете между ними и рейдом, когда их силуэты проявятся на фоне моря, а в пустых окнах будет сиять лазурное небо, то вам покажется, будто вы перенеслись на какой-то знаменитый берег Греции или южной Италии. «Это похоже на Помпеи», — сказал бы августейший гость.

Первый дом на Екатерининской улице — это Дворянское собрание, которое могло бы соперничать с самыми красивыми зданиями Европы. От него остались только стены. Церкви святого Николая и святого Михаила, стоящие на берегу бухты, выглядят новыми только из-за того, что их недавно отреставрировали. А вот руины офицерской библиотеки... Остались только многочисленные описания ее бывшего величия: сфинксы, сидящие на задних лапах по обеим сторонам широкого подъезда, мраморные статуи на итальянской террасе, барельефы Рамазанова, мраморные лестницы с бронзовыми перилами, шкафы из ценных пород дерева... — наши бомбы, а затем русские факелы все уничтожили. Когда русские покидали город, именно поджог этого здания послужил сигналом к общему пожару: и в библиотеке, и в Соборе было приготовлено все для поджога, в то время как под складами и казармами заложили бочки с порохом. К счастью, книги и ценные коллекции были вывезены из библиотеки задолго до пожара.

Пирогов воспользовался освобожденным помещением и разместил здесь основную госпиталь, место своих страшных операций.

На другом конце улицы справа сверху видны остатки здания классического типа. Его даже можно было бы назвать тезеумом или парфеноном: ионическая колоннада окружает центральную часть храма и, хотя крыша обрушена, архитрав остался целым. Этот храм является церковью святых Петра и Павла. <...>

Я выхожу на Морскую улицу, минуя развалины театра. Эта улица пострадала не менее своей соседки. Во время осады снаряды тут сыпались градом, поэтому улицу Морскую прозвали «Долиной смерти».

Впрочем, сейчас она кажется более оживленной. Здесь меньше аристократического духа и больше коммерции. Мне указали на несколько французских заведений и на хорошо оборудованный английский магазин. Иногда за большим фасадом разрушенного здания прячутся две или три мазанки, сооруженные для простого народа. Эти люди живут здесь в своих норах, как крысы на развалинах дворца.

Между Екатерининской улицей и Морской высится узкая вытянутая терраса, прозванная Бульваром. Это что-то вроде городского сада около ста метров в длину, к которому ведет довольно крутая лестница. Здесь расположены кафе, клуб и колонна, которую венчает бронзовая трирема. Это памятник Казарскому в честь славного боя его маленького брига с двумя турецкими военными кораблями (1829 г.). Перед тем, как начать неравный бой, весь экипаж поклялся взорвать корабль, но не сдаться врагу; был заготовлен фитиль, с помощью которого последний из оставшихся в живых должен был поджечь порох.

«Потомству в пример», — гласит надпись. Севастополь 1854 года оказался достоин памяти Казарского.

Растительность этого висячего сада такая же невзрачная, как и на бульварах Одессы: жалкие кусты с пыльной листвой; но вид отсюда просто замечательный. Вечером народ заполняет сад и салоны клуба. В этом году, благодаря наличию молодых офицеров, каждое воскресенье организуются балы. Нельзя порицать севастопольцев за эти танцы на потухшем вулкане; еще во время осады, несмотря на бомбы и ядра, они собирались у этого памятника для того, чтобы послушать музыку военного оркестра.

Недостроенный Собор, высящийся над Севастополем, посвящен святому Владимиру, киевскому князю. Под куполом Собора погребены три великих адмирала, погибшие во время осады: Корнилов, Истомиц, Нахимов. Все трое погибли почти на одном и том же месте, на Корниловском бастионе, венчает который башня Малахова. У Корнилова оторвало бедро, Истомина ядром снесло голову, Нахимов был убит пулей в лоб. <...> Для матроса, солдата, для жителя осажденного города эти адмиралы являлись собой пример неустрасимой отваги; их всегда видели на самых опасных участках,

они пренебрегали любыми мерами безопасности. «От ядра не спрячешься», — говорил Истомин за минуту до гибели. Когда Нахимов стоял у амбразуры, пуля срикошетила рядом с ним. «Они неплохо стреляют», — холодно заметил адмирал. Вторая пуля смертельно ранила героя.

По мере того как мы приближаемся к Корабельной стороне, развалины принимают еще более печальный и зловещий вид. Вот перед нами руины тех самых доков стоимостью в 18 миллионов рублей, которые в 1834 году вызывали восхищение у герцога Рагузского. Для того, чтобы заполнить доки водой, был прорыт канал к истокам речки Черной. Он включал в себя туннель длиной 621 метр и еще 219 метров акведуков. Строительство было закончено накануне войны.

А вот эти огромные трехэтажные здания, возвышающиеся над Южной и Корабельной бухтами, являются морскими казармами, способными вместить до 6000 человек. Пустые окна, обрушенная крыша... Казармы не были защищены от снарядов ни третьим, ни четвертым бастионами.

Здесь была брешь в севастопольской броне; между этими двумя холмами постоянно проносился огненный смерч. Именно здесь высится гигантская статуя Лазарева. Адмирал Лазарев, командуя Черноморским флотом в течение семнадцати лет с 1834 года по 1851, был настоящим основателем Севастополя. Без сомнения, у него были достойные предшественники. Было бы интересно упомянуть среди создателей города, разрушенного англо-французской экспедицией, француза маркиза де Траверсе и англичанина адмирала Мекензи. Но именно при Лазареве у входа на рейд были построены эти форты, каждый залп которых мог бы обрушиться на вражеский флот, входящий в порт, около 600 ядер; при Лазареве было начато строительство доков и большого водопровода, при нем было построено новое адмиралтейство; Корабельная бухта была углублена, и в ее водах отразились сотни окон гигантских казарм. Он сделал самое грандиозное: создал Черноморский флот; он не только обеспечил его материальную базу, но и придал ему тот дух единства, порядка, дисциплины, быстроты маневра, который превратил этот флот в один из лучших в Европе. И, если Севастополь, город и флот, тело и душа были детищем Лазарева, если Лазарев был душой Севастополя, то было абсолютно справедливо воздвигнуть ему памятник на самом видном месте, когда еще издали темная бронзовая масса поражает новоприбывших. Создание памятника было задумано еще перед Крымской войной, но сооружен он был уже после ее окончания. Лазарев должен был возвыситься над Севастополем во весь рост, гордиться величием и славой своего города, наслаждаться этим процветающим твореньем, как те покровители-герои, которым греческие города воздвигали колоссальные статуи.

Но сегодня он созерцает не величие, а скорбь Севастополя. Кажется, что он грустно склонился над сожженным городом, над рейдом-вдовцом затопленных кораблей. Он остается душой и добрым гением города, только сегодня этот страдающий дух, бродящий среди могил, оплакивает руины Севастополя. <...>

Сегодня население Севастополя насчитывает 6000 душ, к которым надо прибавить 2500 военнослужащих. <...> Много бывших солдат и матросов, служивших на флоте в 1854 году и участвовавших в обороне города, остались в Севастополе, разделив с ним его страдания, по причине их привязанности к городу. Все те простые люди, с которыми я сталкивался: извозчики, лодочники, комиссионеры, мелкие торговцы, смотрители памятников, были, в основном, пожилыми коренными крымчанами. Это, конечно, объясняет отсутствие оживленности в атмосфере города. Здесь ведется только мелкая торговля, а из промышленности присутствует только литейная мастерская. Здесь нет даже гимназии. Вместо театра — любительская сцена. Не знаю, есть ли типография, но мои поиски книжного магазина не увенчались успехом. Из местной

прессы можно обнаружить только «Вестник Одессы». Освещение, очень посредственное, напоминает наши деревни. Впрочем, к чему роскошество газовых фонарей среди всей этой разрухи?

У Севастополя нет настоящего, он живет только своим прошлым. От полученного удара он ослаб и замкнулся в себе. Воспоминания о 1854 году еще свежи, как и руины. Чаще всего люди в этом некрополе говорят о войне. Обратитесь к любому, и вы, без сомнения, соберете урожай анекдотов и неопубликованных воспоминаний. Хозяин моей гостиницы рассказывал мне, как он получил награду за помощь раненым. Его гостиница — памятник истории. Здесь жил Нахимов.

То здесь, то там можно увидеть лампу, сделанную из снаряда, картечную пулю, используемую в качестве пресс-папье, ядро, вставленное в стену.

Эти железяки здесь еще в моде, как это было у нас по окончании прусской войны.

В обществе, особенно в присутствии иностранцев, вам обязательно расскажут о генерале Хрулеве, об адмирале Нахимове, о матросе Кошке. Если в разговоре пролетят слова: «строгий по отношению к офицерам... — солдаты его обожали», — речь идет об адмирале Нахимове. Вам расскажут о проявлениях отваги, о некоторых странностях его поведения, сближающих этого человека с идолом народных масс Суворовым. Если смеются, если часто повторяют: «Какие штуки он проделывал с англичанами!», — речь идет о Кошке. Кто не знает Кошку в Севастополе? Остановите первого прохожего, и он вам скажет, что это был пьяница и смутьян, но зато какой храбрец и смельчак! Однажды на тыльной стороне английских траншей был замечен труп русского морского офицера, убитого в ночной стычке. Это зрелище сильно угнетало моряков, так как у них существует культ мертвых. Кошка с трудом добился разрешения совершить вылазку и забрать тело. Перед рассветом он натянул на себя мешок и медленно пополз вперед, сливаясь с желтоватым цветом земли. Вставало солнце. Быстрее, еще быстрее. Он прождал целый день без питья, без хлеба. Наступил вечер. Кошка воспользовался моментом, когда англичане начали смену караула, быстро пополз к траншее, схватил труп и, взвалив его на спину, побежал назад. Бегущий мешок с трупом на спине так поразил английского часового, что стрельба началась только тогда, когда Кошка уже проделал половину пути. Пять пуль попали в труп, смельчак же не получил ни одной царапины. За этот подвиг адмирал Панфилов вручил ему Георгиевский крест. В другой раз Кошка заметил на нейтральной полосе сбежавшую прекрасную английскую лошадь. Он решил пойти на очередное дело. Наш герой сымитировал дезертирство, побежав в сторону неприятеля. С русских позиций как бы по нему был открыт огонь, англичане же, наоборот, делали ему дружеские знаки. И вдруг он делает крюк, хватая лошадь за гриву, вскакивает на нее и, прижавшись к крупу, подгоняемый пулями, галопом возвращается к своим. <...>

Среди многочисленных новых строений города на улице Екатерининской выделяется грациозное здание в итальянском стиле. Это дом знаменитого генерала Тотлебена, превращенный им в военный музей Севастополя. Даже во время его отсутствия дом постоянно открыт для посетителей. Во дворе выставлены мортиры, литые пушки, разного рода снаряды. <...> Залы украшены портретами, фотографиями или литографиями тех, кто отличился в обороне города. Не были забыты ни сестры милосердия, ни знаменитые актрисы, сидевшие у изголовья раненых. Не были забыты также такие известные хирурги, как Пирогов.

Кошка изображен здесь среди своих товарищей. Императоры Николай и Александр Второй, великие герцоги, прибывшие поддержать войска накануне Инкерманского сражения, удостоились чести быть изображенными маслом. Здесь — модели русских и союзнических кораблей, там — под стеклянным колпаком белая фуражка Нахимова, пробитая пулей, убившей адмирала. На столах разложены планы, карты, альбомы с видами. <...> Еще есть здесь довольно обширная библиотека, содержащая

книги о Восточной войне авторов разных национальностей, начиная с Кинглейка и кончая маршалом Ниелем. Можно увидеть и серьезные военные труды Тотлебена, и воспоминания простых воинов.

Северная сторона

<...> Для того, чтобы попасть на Северную, необходимо отправиться к Графской пристани, украшенной по инициативе Лазарева прекрасной мраморной лестницей и колоннадой в греческом стиле. Стоимость лодочной переправы довольно умеренная: городские власти установили твердые цены. И на самом деле, эта переправа, как и хлеб, является предметом первой необходимости: надо представить себе, что в Севастополе нет моста ни через рейд, ни через Южную бухту и, что сотни горожан, рабочих, солдат, крестьян ежедневно должны пользоваться этой переправой.

Для иностранца на Северной стороне нет ничего особенного, кроме русского кладбища. <...> Оно расположено на склоне холма в виде неровного многоугольника и видно со всех сторон. Россия не захотела прятать ни свой траур, ни свою скорбь. Простые люди говорят об этом захоронении с особым чувством. Они называют его «Кладбищем ста тысяч». Если этому поверить, то русские понесли еще большие потери.

<...> Народная арифметика не скупится на нули, впрочем, известно, что действительно очень многие умерли от ран в госпиталях Симферополя, Бахчисарая, Николаева. Кто смог бы подсчитать количество умерших от голода и холода в северных степях Крыма?

На Северной стороне погребены только те, кто погиб в самом Севастополе. Каждый день их тела собирали на Южной стороне. Там возле Павловского рavelина складывали убитых с Корабельной, с бастиона Малахова, с Большого Редана; к Николаевскому форту доставляли тела тех, кто погиб в центре города, на Центральном бастионе, на Мачтовом и на Карантине. Эти две точки являлись местом похоронных встреч: повозки и носилки доставляли сюда убитых, отсюда трупы грузили на баркасы. Прибыв на Северную, их хоронили в огромных ямах, вырытых в беспорядке.

После наступления мира эти тела с разных мест были эксгумированы и захоронены на одном кладбище. У входа в это место упокоения по обеим сторонам железной решетки, как караул, установлены литые пушки. Кладбище хорошо ухожено: на всех могилах цветы, повсюду деревья, бесконечное разнообразие памятников. Старый смотритель приветствует вас в этом погребальном музее.

Вначале мы проходим мимо бюста генерала Хрулева, одного из героев бастиона Малахова кургана: яркие черты лица, решимость во взгляде, — таким он был в тот момент, когда в последний раз вел в атаку своих дрогнувших солдат. Во время этого прорыва его ранило. Умер же он в 1860 году. Смотритель показывает мне памятники генералу кавалерии Риду, убитому во время битвы при Трактире, генералу Тимофею, умершему от ран в июне 1855 года, генералу Адлербергу, похороненному рядом со своим сыном. На последнем памятнике эпитафия написана на немецком языке, как у большинства офицеров, выходцев из балтийских областей.

Большие могилы, некоторые из которых имеют надгробия в виде огромных каменных плит, выглядят, как доисторические сооружения. На них начертано: «Братская могила». Это захоронения простых неизвестных солдат. В каждой из таких могил покоятся останки от 60 до 100 человек. Эти могилы ухожены с такой же любовью, как и захоронения известных военачальников, таких, как бывший командующий русской армии князь Горчаков, умерший в 1861 году. Его надгробие имеет форму открытой часовни, обращенной в сторону Севастополя и моря; часовня украшена изображением

ми Христа и святого Михаила в византийском стиле. Надпись на русском языке гласит о том, что в соответствии со своей последней волей покойный был погребен среди храбрецов, которые не позволили врагу продвинуться дальше линии их могил.

На вершине кладбища высится пирамидальная церковь. Ее видно издали за многие километры. На каждой из четырех граней ее пирамидального купола размещены по две мраморные доски с цифрами потерь, которые понес каждый полк в тот или иной период осады. Эти восемь списков являют собой мартиролог русской армии. Вход в церковь украшает мозаичное изображение Христа.

На противоположной стороне изображен ангел, стоящий у могилы Иисуса и говорящий святым женщинам о том, что «того, кого они ищут, больше нет здесь». На внутренних стенах церкви также установлены мраморные доски, на которых выгравированы прославленные имена и номера армейских корпусов. Слева от алтаря указаны номера сухопутных частей, справа — флотских экипажей. На одной из досок высечены только три неразлучных имени: Корнилов, Истомин, Нахимов. Церковь, построенная пять лет назад, украшена современной живописью. <...> Вот Иезекииль стоит посреди поля, усеянного человеческими останками: уже «стали сближаться кости, кость с костью своею», и «вошел в них дух»; вот Христос выходит из могилы в сиянии славы, а вот весь человеческий род пробуждается для страшного суда.

В этом храме памяти мертвых все говорит о воскрешении.

Церковь окружена площадкой, на которой находятся семь больших литых пушек, принадлежащих, судя по всему, англичанам. Для сохранности трофеи окрашены в серый цвет. Здесь также находится маленькая французская пушка со следующей надписью: R.F.1849. Не знаю, откуда она. Отсюда открывается великолепный вид на город, на форты и на рейд. Русские герои покоятся в виду поля их славной битвы; им было бы достаточно немного приподняться с их смертного ложа, чтобы увидеть Малахов курган, Редан, Инкерманские высоты и созерцать место своей гибели. Если бы дыхание Иезекиила коснулось бы их, если бы «стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище», то героям было бы достаточно сделать один шаг, чтобы вновь вернуться на свой боевой пост.

На некотором расстоянии отсюда я замечаю деревню с маленькой церквушкой. Смотритель рассказывает мне, что во время бомбардировок города большое число жителей укрывались на Северной стороне. Защищенные от снарядов, они строили хижинки и бараки. Когда окончилась война, недостаток средств и отсутствие решимости помешали им восстановить в городе сгоревшие дома. Таким образом, они обосновались на местах, послуживших им в свое время укрытием. <...> С того времени это место благоустроилось и превратилось в деревню, слободу Бертеневка. Крыша церкви, если я не ошибаюсь, в честь святых Петра и Павла была восстановлена с помощью досок от французских барачков Камышовой бухты. Кто знает, может среди них были подмостки сцены нашего театра. <...>

Малахов курган. Мачтовый бастион. Кладбища.

Для того, чтобы осмотреть окрестности Севастополя, проще всего нанять извозчика, то есть кучера на дрожках, — так называется повозка в южной России. <...> В первую очередь мы, естественно, посещаем бастион Малахова кургана. Он заметен издали благодаря белому домику смотрителя. Когда приезжаешь в Севастополь, ожидаешь увидеть настоящие бастионы, каменные укрепления, амбразуры, бойницы, но, если вы спросите о Малаховом кургане или о Большом Редане, вам покажут только вытянутые холмы, с трудом отличающиеся от окружающих высот. Вы можете

долго и бесполезно пытаться искать глазами укрепления Севастополя, так как уже нет ни брустверов, ни туров. К счастью, мой извозчик сам был моряком, участником обороны и все знает. Видно, что он любит рассказывать и не считает себя обычным кучером. «Кто-нибудь другой за четыре рубля доставил бы вас на место, но не смог бы вам ничего пояснить», — говорит он.

Мы огибаем Южную бухту, подъезжаем к оконечности Корабельной бухты, расположенной позади доков, и оказываемся у подножья Малахова кургана. От домов, расположенных поблизости, не осталось камня на камне. Здесь надо подниматься вверх по довольно крутой тропе. <...> Мы оказываемся на площадке, где нет ни пятачка нетронутой земли. Все перерыто, перепахано снарядами; воронки от бомб, укрытия для стрелков, остатки траверсов, — настоящий хаос!

Маленькая тропинка извивается в этом лабиринте. Из дома смотрителя выходит мальчик и дарит мне набор конических и картечных пуль.

Я повстречал русскую пару, возвращающуюся от оборонительной Башни, мы обменялись несколькими фразами, и они сказали, что испытывают большое сожаление по поводу того, что здесь наши солдаты убивали друг друга. Появляется смотритель. Он ведет нас в Башню, которую сами русские в 1854 году укоротили до уровня бастионных брустверов. Сегодня сохранилось нечто наподобие первого этажа; здесь после захвата Малахова кургана дивизией Мак-Магона укрылись шестьдесят русских воинов, которые, стреляя из бойниц, вынудили французов вновь штурмовать это место. Внизу — погреб со сводчатым потолком, пороховой склад, который в тот последний день мог бы поднять на воздух всех победителей Малахова, если бы провидение не помогло бы случайно обнаружить электрические провода, идущие в город. Позади нас расположен глубокий ров: это знаменитая тыльная сторона Малахова кургана. По причине того, что Башня находилась именно в том направлении, откуда можно было атаковать, контратака русских была отбита. Напротив нас пока еще видны параллельные или идущие зигзагом выбросы земли. Это французские траншеи. Просто поразительно, насколько близко находились атакующие и обороняющиеся: они могли почти беседовать друг с другом. В некоторых местах дистанция доходила почти до 25 метров. Одной минуты хватило нашим солдатам, чтобы, выпрыгнув из своих траншей, достичь оборонительных сооружений кургана. Здесь завязалась рукопашная схватка. Дрались прикладами ружей, камнями.

Малахов курган настолько высоко возвышается над городом, что хорошо понимаешь, почему взятие кургана вело к падению города и почему именно здесь произошла развязка этой долгой драмы сражений и штурмов. Эта земля с обеих сторон полита кровью храбрецов. Военные летописи всех наций не смогли бы найти более величественное и более героическое место, чем этот курган. Здесь не нужно возводить памятники: Малахов курган сам по себе памятник. <...>

Со всех сторон, куда ни кинешь взгляд, видны траншеи, укрепления, французские и английские батареи. На одной из высот заметна батарея «Виктория», пробивавшая брешь в обороне на расстоянии 1800 метров. Смотритель со смешанным чувством страха и восхищения рассказывает нам о губительных последствиях огня этой батареи.

Справа от нас виднеется Большой Редан: именно с ним имели дело наши союзники. Недалеко от Редана высится британский обелиск в память об англичанах, погибших при его штурме. <...>

А вот эти три кургана, покрытые желтой травой, являются знаменитыми редурами: Камчатским, Волынским и Селингинским. Если им вернуть французские названия, то Зеленый холм и Белые укрепления сразу же всколыхнут в нашей памяти воспоминания об одних из самых кровопролитных эпизодах осады.

После Малахова кургана мы отправляемся на четвертый Мачтовый бастион, расположенный по другую сторону Большого Редана. Штурм этого бастиона имел свою специфику. Именно здесь велась минная война. С французской стороны довольно ловко и энергично эту войну вел командующий Толер, о чем упоминается в конце книги, написанной маршалом Ниелем.

Нам было бы очень трудно представить себе эту сумеречную схватку на глубине десяти-двадцати футов от поверхности земли, если бы не карты-схемы, сопровождающие труд Ниеля. В то время, как сверху обменивались ядрами, снарядами и ружейными выстрелами, внизу, как две кротовые армии, французские и русские минеры удлиняли свои галереи, множили боковые ответвления, сооружали колодцы и лестницы. Галереи были двухэтажные. «Дальше и глубже» — таков был девиз минеров. Дышали с помощью вентиляторов. Под четвертым бастионом с нашей стороны было прорыто 1250 метров, со стороны русских — 5360 метров. Все это держалось на деревянных сваях, часто обшитых дубом. Под землей не стреляли, но пытались задушить противника. Взрывали мины, петарды, камуфлеты. Разрушали друг друга. Время от времени столбы огня, скальной породы и глины вырывались на поверхность и оставляли после себя зияющую дыру. Это называлось «вырыть воронку». Затем дрались за эти воронки и, когда французы одерживали верх, это позволяло им увеличивать свои траншеи. Именно таким образом удалось создать третью и четвертую параллели и приблизиться к бастиону на расстояние 50 метров. <...>

Еще совсем недавно рельеф этой местности позволял четко обнаруживать входные отверстия в минные галереи. Люди проникали туда, чтобы добыть дрова.

Но затем все осело и обрушилось под воздействием времени и дождей. Если хорошо покопать, то можно еще найти остатки галереи, где ржавеет забытая лопата минера. <...>

Недалеко от четвертого бастиона на Куликовом поле расположился русский военный лагерь: четыре пехотных полка, артиллерийская бригада и несколько эскадронов. На белесой земле установлены белые палатки, напоминающие наш военный лагерь в Шалоне. Вот укрытия для охлаждения бочек с водой, а вот грибки, спасающие часовых от солнечного удара. Далее идут кокетливые бараки, домики для офицеров. Русский пехотинец, кажется, чувствует себя очень хорошо в сапогах, фуражке и мундире из тика. Он не парится, как наш солдат, в теплой униформе. В этот день проходил военный смотр. Звуки труб и барабанов, продолжительные крики: «Ура!» эхом отдавались на пустынных бастионах...

Посещение французского и английского кладбищ естественным образом знакомит меня с природой Тавриды. Говорят, что весной все зелено, но невозможно представить себе, насколько засушливо здесь лето! Пустыня начинается сразу, как только выезжаешь за пределы города. Облако пыли окружает экипаж и опускается на окружающую дикую растительность: вереск, чертополох, полынь; повсюду колючки, ни одного дерева, только телеграфные столбы, тянущиеся вдоль почтовой дороги. <...>

Французское кладбище заметно еще издалека благодаря своей пышной растительности. Входим в него: повсюду ровные аллеи, цветы, деревья, акация, виноград. Это больше похоже на городской сад, нежели на кладбище. Меня не удивляет тот факт, что жители Севастополя часто прогуливаются здесь по воскресеньям. В центре возвышается большая квадратная часовня, на четырех сторонах которой выгравированы имена старших офицеров, погибших на этой войне. Вокруг расположены однотипные маленькие часовенки, каждая из которых является братской могилой. Здесь покоятся пехотинцы, стрелки, зуавы, иностранный легион; там — гусары, драгуны, артиллеристы...

Я открываю дверь одной из часовень: внутри, как и снаружи, тот же порядок, можно сказать та же дисциплина захоронения. На стенах имена офицеров. Их прах

вмурован в специальные ниши. Под нашими ногами склеп, где покоятся солдаты. Главный недостаток здесь — слишком большая упорядоченность. <...> Но красота этого погребения, прохлада деревьев, эти постоянно свежие цветы красноречиво говорят о том, что Франция не забывает своих сыновей. <...>

Мой извозчик рассказывает об этом кладбище с большим энтузиазмом.

«Оно не похоже на английские кладбища», — заявляет мой гид.

Но где же расположены эти английские кладбища, вернее, где их только нет? На Херсонесском полуострове их насчитывается не менее ста двадцати шести. Есть крупные захоронения, есть средние и есть поменьше. В нескольких шагах от французского кладбища под деревом находится могила генерал-майора Бакнолла Эсткарта. Я обнаруживаю надпись на русском языке, похожую на те, что начертаны на античных стелах: «Вдова покойного генерала молит об уважении к бранным останкам своего мужа». До сегодняшнего дня эта мольба была услышана.

Обычно английское кладбище окружено каменной оградой, и это объясняет факт отсутствия следов древней стены, возведенной греками от Южной бухты до Балаклавы для защиты Херсонеса от варваров. <...>

Внутри ограды некоторые стелы опрокинуты, на других уже невозможно прочесть надпись. Такое положение дел огорчает многих по ту сторону Ла Манша. Несколько лет назад для инспекции захоронений сюда приезжал один английский офицер. Заговорили о том, что необходимо поступить так же, как французы и русские: собрать на одном кладбище все разбросанные английские захоронения. Но этот проект не был осуществлен. <...>

Балаклава

Мы пересекаем линию старой английской железной дороги. Вскоре справа от нас открывается вид на равнину, где проходило Балаклавское сражение и где сегодня проводит учения эскадрон казаков. Это поле стало могилой для великолепной английской конницы, которую какое-то недоразумение направило прямо на русские батареи. В тот день земля дрожала от сумасшедшей скачки британских драгун, гусар и улан. Мало кто вернулся живым из этой атаки. На месте гибели англичан высится монумент с надписью на английском и русском языках.

Сейчас мы проезжаем деревню Кадыкой. Начиная отсюда, земля усеяна осколками от пивных бутылок и кувшинов. Это все, что осталось от деревянного городка англичан.

Балаклава расположена в своей бухте таким образом, что ее можно увидеть только в момент прибытия в сам город. Сначала перед нашими глазами возникают остатки древних крепостных башен, затем появляется что-то вроде озера в глубине балки, без видимой связи с морем. Это порт Балаклавы. Дорога резко поворачивает, и вот мы уже в городе. Напротив нас расположена группа полуразрушенных лачуг, а наверху в окружении скал выделяется большое строение. Это героический дом капитана Манто. Мы находимся на месте боя, который вели балаклавские греки против английской армии 25 сентября 1854 года. Англичане пришли по этой дороге, греки засели в том доме и этих лачугах. У греков было преимущество позиции, но их было всего около сотни против нескольких тысяч. Кроме этого, с тыла их обстреливали английские суда, проникшие в Балаклавскую бухту. Вскоре греческий батальон был окружен. Когда у плененного раненого капитана Манто спросили неужели он на самом деле вообразил, что с помощью горстки людей можно остановить целую армию, тот ответил просто:

«Если бы я отдал город без боя, то заслужил бы упреки своих командиров и ваше презрение; сейчас же моя совесть чиста. Я выполнил свой долг».

Городок Балаклава насчитывает всего 95 домов, в которых проживают около 400 жителей. Здесь только одна улица и две церкви. <...>

Жители городка являются потомками беженцев с греческого Архипелага, вывезенных в Крым екатериненским флотом. <...>

Еще три деревни в округе дополняют греческую колонию, составляющую тысячу душ, из которых набирали греческий батальон, расформированный в 1859 году. <...>

Порт Балаклава довольно мал: 700 туазов* в длину и 120 в ширину, но окружающие бухту скалы, отвесно падающие в море, обеспечивают порту такую глубину, что здесь смог укрыться весь английский флот.

Две скалы, формирующие вход в бухту, настолько хорошо укрывают гавань, что даже во время шторма внутри нее все спокойно. Однако буря 14 ноября была такой страшной, волны Черного моря вздымались на такую высоту, что даже внутри бухты броненосцы сталкивались друг с другом, получая пробоины.

Один лодочник-грек вызвался показать мне вблизи скалы у входа в бухту, стоящие друг от друга на расстоянии около 60 туазов. На восточной скале большими буквами написано «Мыс Балаклава». Проплыв эти скалы и обернувшись назад, я уже не увидел города, исчезнувшего из моего поля зрения. <...>

Мой лодочник-грек указал мне на большой грот глубиной около 15 туазов. Здесь 14 ноября разбились 8 английских судов, не успевших вовремя укрыться в порту. Рассказывают, что еще долго после этого шторма местные жители вылавливали у подножья скалы свинцовые пули, оружие, побрякушки и часы. Далее расположена Святая гора. В одном из ее гротов, по словам моего грека, в давние времена жил святой отшельник. Каждый вечер он зажигал лампу для обеспечения безопасности плавания кораблей. Однажды он исчез неизвестно куда.

Теперь нет ни отшельника, ни маяка. «Да и зачем? — добавил он с грустным видом. — Кому теперь нужна Балаклава?»

Я понял, что английская оккупация оставила глубокий след в его памяти. Возможно, он сражался вместе с капитаном Манто. Лодочник детально рассказывал о той импровизированной деревянной английской Балаклаве, о той громаде кораблей в бухте, о железной дороге, идущей от бухты до подходов к Большому Редану, о фабриках, о той шумной жизни тихого городка. «Ах! Если бы такая крымская Балаклава существовала бы во Франции или в Англии, каким бы цветущим портом она бы была!» — добавил он. Когда я спросил его, почему они разрушили бараки и дома, построенные англичанами, он ответил: «Кому нужны дома без жителей?»

Камышовая бухта

На следующий день мы отправились в Камышовую бухту. Если английская Балаклава вызывает восхищение у греков, то этот французский город, выросший за несколько месяцев на крымском пляже и затем исчезнувший, как волшебный замок из Тысячи и одной ночи, поразил воображение русского населения. <...>

Нет здесь такого человека, кто бы не помнил об этом городке и который бы не рассказал свою легенду о Камышовой бухте. Ее сравнивали с миниатюрной Москвой. Прямые улицы, красивые магазины с женским обслуживающим персоналом, толпы покупателей: французы, турки, итальянцы, англичане; мундиры всех наций, рестора-

---

*Туаз — старинная французская мера длины, равная 1 метру 949 см. (Комментарий переводчика).

ны, кафешантаны, театр, вмещающий такое же количество зрителей, как и в самом Севастополе. Повсюду французы высаживали овощи, сажали деревья, создавали сады. На рейде — сплошной лес из мачт. С соседней высотки специальный водопровод доставлял воду до самых корабельных палуб. А как было организовано боевое охранение! Проникнуть невозможно! Вокруг — окопы, бастионы, батареи. После подписания мира был устроен прием в честь русской армии: офицерам подавали шампанское, солдатам — коньяк. Весь Севастополь был тут. В день своего отъезда французы взяли с собой только вещевые мешки. Люди приходили сюда и брали все, что хотели: холст, деревянные планки, веревки. Шампанское продавалось дешевле кваса. Однажды утром города не стало... <...>

Мы выезжаем из Севастополя между пятым и шестым бастионами. Сначала проезжаем Карантинную слободу (двенадцать или пятнадцать разрушенных домов), затем кладбище, где в апреле 1855 года шли ожесточенные бои. <...>

Сегодня кладбище восстановлено, стоит церковь. В двух километрах отсюда тянется линия прекрасно сохранившихся траншей с брустверами и окопами, над которыми высится угрожающая масса французских батарей. Это оборонная линия Камышовой бухты.

Вскоре открывается вид на море и сверкающие на солнце Камышовую, Казачью и Песочную бухты. Отсюда начинается ряд разрушенных домиков. Я остановился у каменного фундамента французского деревянного театра. Дерево растащили из-за его дороговизны в Крыму. Камень же оказался никому не нужен. <...>

Развалины следуют друг за другом: остатки батарей у входа в бухту, руины клуба, арсенала, складов, остатки деревянного акведука. <...>

В начале осады в Севастополе прошел слух о том, что у какого-то чиновника из Карантинной слободы было видение. Ему привиделись три всадника: один в красном, другой в черном и третий в белом.

Красный объявил о том, что Севастополь будет сожжен, черный сказал, что здесь не останется камня на камне, а белый заявил, что город возродится из руин еще краше прежнего.

Первые два пророчества сбылись. Теперь мы ожидаем исполнения последнего пророчества. <...>